

Санькова Наталья Викторовна

Родилась и выросла в селе Преображенка, Шарлыкского района, Оренбургской области. В настоящее время преподаватель русского языка и литературы МОУ "Гимназии №7", г. Оренбурга.
Начало профессии в родном селе, учитель.

Моей малой Родине, посвящается Художественное эссе

СЕДЫЕ КОВЫЛИ

**«Есть то, без чего не мыслится ни одна человеческая судьба,
- Родная земля»**

...Зной полыхал над степью. Дымкой подернулся горизонт, и древний курган то расплывался, то четкой линией поднимался над седым ковылем. Ковыльное море расстиралось ковром, вытертым на каменистых плешах, и горячий ветер налетал порывами, раскручивая ковыли. Казалось, что время остановилось и взвенивающий степной ветер никогда не прекращался, и все так же кружил коршун-степняк над вершиной кургана, и все так же где-то вдали поднималась и оседала пыль, поднятая неизвестно кем, случайным путником ли, степною птицей...

Море трав расстиралось, уходило в дымку.... На губах оставался горьковатый полынный аромат, смешанный с пряным запахом земли с переплетенными корнями ковыля и цветов.

Сознание расплывалось и уходило за степью, и как-то странно терялось ощущение времени и пространства. Сквозь звенящую разноголосицу жаворонков, шмелей и сухостоя наплывала тишина, поглощающая и обнимающая. И почему-то вдруг пропадало чувство собственного тела. Оно как будто исчезало, уходило за расплывающимся сознанием, оно покорялось тишине, которую никак нельзя было до конца понять....

И вот осталась только тишина, звенящая, тяжелая, и в то же время хрупкая и мимолетная... Но все кружил и кружил над курганом степняк, и дымка дрожала над горизонтом, и высокое ослепительно сияющее небо с редкими облаками то надвигалось, то вдруг становилось недостижимо высоким. Не слышно жаворонков. Странные звуки, еле уловимые, как будто пробивающие невидимую стену, становились все более явными... гулкие удары. И мысль терялась в непонимании, сердце ли стучит, или кто-то слегка касается натянутой кожи старого бубна. Все явнее и явнее...

А коршун-степняк все кружил и кружил над курганом, словно разматывая невидимые нити...

...На закате солнца, когда огненные и живые языки пламени ритуального костра ласкали лица всех, Вождь, храбрый, сильный, мудрый, поклоняющийся только Небесному Воину, долго и пристально смотрел вслед уходящему солнцу. Что читал в лучах вспыхивающего белыми сполохами солнца темный взгляд вождя, не ведал никто. Но все знали, что Небесный Воин был всегда впереди храбрых торов и только он был избран им, и только ему одному суждено было знать его волю. И никогда его воины, быстрые и горячие, как степной ветер, выносливые, не сгибающиеся ни перед зноем, ни перед обжигающим морозом, не знали поражения. И сейчас он ждал. Ждал, когда в белых сполохах заходящего солнца он увидит летящего коня Небесного Воина, увидит знак, предсказывающий удачу, победу. Но шаман, древний, как сама степь, признавал только голоса духов, голоса предков, тех, кто ушел навсегда в ночную степь за уходящим солнцем.

Нет... Знака не было. Солнце лишь вспыхивало белым светом, а с востока наступала тьма и прохлада. Вождь, не видящий от яркого солнечного света,

оглядел всех... Все они, готовы прямо сейчас броситься по единому только движению его искалеченной кисти, с замиранием следили за его взглядом.

Бубен звучал глухо, тяжело, звук словно вторил ударам сердца, растворялся в последних отблесках света. Языки костра становились ярче, сильнее, выше, и все громче и громче скрипел голос шамана племени.

-Ну? Что, шаман, что тебе говорят твои духи? Восемнадцать лун ветер не обжигал лица самых смелых воинов. Мои воины ждут... Принесут ли удачу степные коршуны? Что ты мне скажешь?

Глухой и низкий голос будто вывел из оцепенения всех, слышались голоса, прерывающийся шепот, но шаман не слышал. Только голос бубна повторял удары сердца, уводил мысль и чувства в какую-то беспредельную даль, и все земное, словно дымка степная, растворялось в небытие. Полыхало пламя, летели коршунами табуны коней, а на вытоптанной земле растекалась, быстро уходя в землю, кровь. Плач... То ли топот коней, то ли так стучало сердце, шаман не видел и не чувствовал - он растворялся в этих глухих ударах, задыхаясь в дыму горящего ковыля.

И вот он медленно начал поднимался с земли... Выжженные раскаленным железом на спине знаки ожили, и когда шаман встал в полный рост и поднял вверх бубен, странные знаки соединились на лопатках. Его глаза были пронзительные, глубокие, как речные омуты.

- Что говорят духи?- голос вождя был нетерпелив.

- Пламя пожирает ковыли... Твои кони как стрелы... Но их копыта в крови...

- Я знаю, шаман. Небесный Воин не оставляет нас...

- Не время, великий вождь. Духи...

- Ты же говоришь, что мои кони как стрелы, что они коршунами пролетят, и я приведу новые табуны, и слава о непобедимых пролетит над степью до самых гор, до большой реки..

- Нет... Кони были без воинов... и над горящими ковылями кричали наши женщины и дети... Вождь, не время начинать поход. Духи гnevаются... - голос звучал все громче и вдруг неожиданно оборвался.- Я слышал голос твоего рода, Вождь...

Воин вздрогнул. Он был еще молод, силен. Но он был воин. А воин живет в битве, там, где властвует смерть. Вот и все. Голос рода его уже позвал - значит свиток его жизни прочитан.

- Разжигайте костры!

Сердце Вождя билось глухо, и каждый его удар отдавался в горячих руках...

Закат пылал кровью. С востока надвигалась непроглядная тьма, а над седой степью поднимались пляшущие языки костров.

А ровно через две луны степь горела, на необозримые пространства расстился дым, и ветер разносил горечь сгоревшего ковыля, древняя земля Дикого поля, словно высохший мох, жадно пила пролившуюся кровь... А еще через три луны к закату солнца поднялся курган...

Время развеет дым, а ветра высушат степь, вызолотят ковыли, под самым солнцем зазвонят жаворонки... Уйдут племена за ушедшим временем. Останется

степь. И курган. И закружит коршун-степняк. И зашелестят столетья, рождая вечность. Все отцветает, отживает. Только земля, обожженная, напоенная слезой человеческой и горем, остается, рождая вечность и храня память жизни самой... Чтобы возродиться в новом стремлении, счастье и горе...

Знойный ветер звенел в волнах седого ковыля, как тетива натянутого лука сарматского воина, и растворялся в бескрайней степи, за гаснущим горизонтом...

И летели столетья, и шептали ковыли... Несла свои темные воды река Яик, петляя по степи и пробираясь к далекому синему морю...

Что заставляет тебя, человек, искать по бесконечным земным дорогам неизведанное тобой, манящее, открывать пространства, терять и находить счастье, сеять горе, освобождать и порабощать? Что? Можешь ли ты понять это в себе? Или само понимание не нужно, ибо понять - значит перестать жить? Кем и зачем в тебе это заложено?.. Не понять тебе. Из века в век.

Река кипела от несметного числа переправляющихся людей, лошадей, повозок, верблюдов. И по всей степи разносилась весть о непобедимых воинов, которые, как черная туча, надвигались с востока. Река, петляющая среди высоких холмов, пологих берегов, размывавшая глинистые пороги, меловые отмели, замирала. Столетиями шли караваны по дорогам, связывающим не страны и народы, более цивилизации. Не раз слышали ковыли свист стрелы летящей, не раз содрогалась земля под топотом мчащихся табунов, но сейчас - беда шла на те земли, что раскинулись за Большой рекой: будет корчиться Русь под копытами коней жестоких монголов, будет разносить ветер заунывную песнь о восточных варварах, и будут замирать вытопанные яйцкие степи, и потянутся с запада на восток караваны Золотой Орды.... А седая яйцкая степь вплетет в ковыльные косы свои новые сказания...

Почему вся жизнь человека - это путь к тебе, к просторам твоим, к тайнам

непостижимым? Почему счастье, которое он ищет, - в тебе? Почему руку он поднимает на собрата своего - из-за тебя? Что есть ты, земля? Не задумывается человек, не ищет ответы эти, он просто живет, дышит, созидает как умеет счастье свое, от тебя рождается, в тебя уходит. Мать - Сыра Земля.

Сколько еще судеб человеческих переплетет ковыль, сколько еще горечью своей полынь напоит? Сколько следов ляжет на дороги твои степные? Сколько?

...1823 год... По пыльной дороге среди холмов и березовых перелесков двигался обоз. Грузенные арбы, телеги, домашний скот, клетки с птичиной. Обоз двигался медленно, останавливался днем только один раз, да еще у родников и речушек. Лишь вечером распрягали лошадей, отвязывали коров, разжигали костры- и над степью расстился дымок и запах снеди. А утром - бесконечная дорога как бесконечная русская тоска под расprostертым небом, окрашенного золотыми лучами восходящего солнца. Крики младенцев, голоса, мычанье коров. Обоз шел дальше. Куда? В необозримую даль. В необозримую даль, в которую глядели человеческие глаза с надеждой, глядели вот уже два месяца. Что их вело? Земля. Много земли, необжитой, ничьей... Переселенцы... Орловские, тамбовские, казанские, рязанские, украинские... Сколько говоров смешалось, сколько песен спелось на новом наречии- уральском... Это их руки поднимут степной дерн, проложат первую пашню, поднимут деревянные срубы изб по берегам диких степных рек. И этот дикий суровый край не сразу, но подчиниться. Долго еще ждать. Но свершится это...

...Дико завывал ветер. Все поглотила белая пелена взрывающегося клубами снега. Мириады мелких ледяных игл пронизывали все, рождая этот страшный вой. Казалось, что все вымерло вокруг и ничего не было, кроме летящего, смешивающего небо и землю снега.

Буран бушевал третий день. Деревня лишь чернела не засыпанными еще снегом

углами чердаков, открытых дверей, черными стрехами, подпиравшими ометы сена за сараями. Из печных труб тянуло дымом, который тут же подхватывало снежное месиво. Лишь изредка поскрипывал колодезный журавль. Все ждали, когда разбушевавшаяся стихия, насытив свою страсть, успокоится, рассыпится остатками снега по степи, холмам, заровняет овраги, сравняет крыши изб и заборы. Все ждали... Шел январь 1943 года...

Горе человеческое как река. Нет конца, все льется, льется... А что глубже и тяжелее материнского горя? Ключи подземные? Камни горючие? Что выше? Облако летучее? Нет. Нет. Горе материнское - судьба: не сбросить, не избавиться, не забыть и не спрятаться.

... Ее темные длинные косы поседали, словно серый гусиный пух, стали редкими. Волосы как вода - за прожитыми годами уходит сквозь пальцы жизнь. И жизнь уходила из высохшего тела. Много лет она уже жила одна, она даже не помнила, когда ей слышался голос ее единственного сына, ушедшего за караваном и странными повозками. Развевалась пыль вслед за колесами, растаяли люди с лошадьми и верблюдами в знойной дымке на горизонте... Старая женщина не помнила, сколько зим и весен она смотрела в эту даль. Но остался только голос ее сына, и материнское сердце, тревожно тоскуя, чувствовало, что следы его ног развеялись степной пылью, чтобы не лечь на дорогу назад никогда более. И глаза, выцветшие, воспаленные, продолжали смотреть в седую степь.

... - Я знала, я ждала этого. Если ты уходишь, значит- тебя кто-то зовет. А я буду с тобой всегда. Моё сердце теперь твоё. И если вдруг кто-то остановит твоё сердце, то будет биться в тебе моё. Моя жизнь, моё дыхание в тебе. Иди... И пока не остановится мое сердце, пока не уйдет в землю моя кровь, я буду тебя ждать, - ее голос звучал тихо, и молодой воин, наклонившись к матери, видел бьющуюся синюю жилку на ее руке. Рука была горячая, пахла хлебными лепешками.

- Я вернусь. Я пойду на закат. Там горы. Туда идут караваны... Я вернусь, и о тебе будут рассказывать люди своим детям, о той, которая вырастила героя. Мы самый смелый и сильный народ. А я вернусь....

«...Моя жизнь, мое сердце, мой сын. Твоя мать скоро станет высохшим ковылем, который развеется над степью, а ты все возвращаешься...»

Ветер даже ночью был горячим, и слышно было, как в степи звенел ковыль. Тяжело стучало сердце. Материнское сердце зовет и ждет. Но чего? Она все знала, но сердце ждало. Ждало. Ведь еще ее бабка говорила, а она, маленькая, почему-то запомнила: есть память разума, есть память крови, есть память сердца, и у сердца и крови свой разум. Вот кровь, что-то зная, ждала, ждало и сердце...

Давно это было, и степь развеяла эту человеческую судьбу.

Но горе материнское на земле остается. Остается, чтобы постучаться в новую дверь, перешагнуть через новый порог.

... Вот и сейчас оно тяжелым камнем легло на грудь. Буран вытянул все тепло из избы. С вечера не топлено. И нет сил, нет воздуха, нет ничего. Пусто. Один только серый листок бумаги с темной рамочкой.... Ему было 21... И он у нее был один. «Геройски погиб ...» Где? Зачем? Нет. Слез не было. Просто не было слышно, как стучит сердце. А может, оно уже остановилось? И ледяной ветер

вовсе не холодный, он горячий... «Господи! Где же ты! За какие такие грехи мои ты наказываешь так?» Вся земля будет исходить стоном таким, принимая в себя детей своих.

К вечеру, когда в деревне узнают о похоронке, к Феодоре придут соседки, тетка Маруся и Галя, другие деревенские бабы, а она, сорвав с головы старый платок, обхватив голову руками, будет долго и тихо выть... Сердце ты, сердце материнское, нет крепче тебя ничего на свете...

Весной, когда растаял снег в палисаднике и на старом тополе зацвели сережки, Феодора посадила березку. Прямо под окном. А тетке Марусе сказала:

- Сколько жить буду, столько и смотреть на нее буду.

Заплакала тетка Маруся, вытерла концами выцветшей полушалки глаза, перекрестилась:

- Господи, и могилки – то нету...

Скорбью ты полнишься и радостью, земля. Все в себя вбираешь, все помнишь... Это и есть мир, есть история, есть жизнь. А ветер уже закручивал тоненькие веточки березки, стыдливо и сиротливо склоняющуюся к забору. Через двадцать четыре года изба Феодоры опустеет, ее разберут на совхозный склад, и останется одна береза, высокая, раскидистая, белоствольная, с зелеными косами, завивающимися до земли самой. Живая память материнского сердца. И горя.

Время вечно. Вечно в стремнине своей. И никогда нам его не догнать, не постигнуть. Но времена меняются. Поднимаются целинные земли и зарастают бурьяном пашни, полнятся города и умирают деревни, покрываются пылью рукописи и все более виртуальным становится сознание - все меняется. Но что-то остается, и в этом «что-то» есть непреходящее, вечное, цельное, что и определяет истину.

...Деревня. Русская деревня. Где ты, маленькая Россия? Ты, еще сохраняющая в себе язык свой родной, настоящий, певучий, сердцем и душой рожденный? Потеряем тебя – потеряем душу: в тебе и песни, Бог ведь кем и когда сложенные, и вечная тяга к земле-матушке, что испокон веку созидалась и жила в человеке, и старые выцветшие фотографии на стене, что смотрят живыми глазами ушедших поколений, и разбросанные по пригоркам старые погосты, отчего порой так тоскливо шевельнется где-то глубоко внутри, а что-то не знаешь сам, и мудрость-ум с добротой-, порожденная вековым, размеренным укладом жизни.

Два столетия еще не минуло с тех пор, как поселились на берегу Сыскана пришлые, поставили первые срубы, а деревня уже вымирает. Все ближе и ближе к домам подходит дикая степь. У самого грейдера, где тут же начинаются улицы, начал расти ковыль. Маленькими кисточками, реденько. Но уже растет. Не было его раньше - годами машинами, тракторами, ногами вытирали, годами косами скашивали, птичиной выщипывали... Мурава росла по обочинам. И вот теперь он появился. Дичает земля. Дичает степь. Все чаще стали говорить, что

зимой где-то в степи поблизости видели волков...Времена. Все меняется. Кто вспомнит тебя, затерянная в оренбургской степи деревенька, когда вся земля наша не более чем голубой шарик, который мал станет растущему виртуальному сознанию новых поколений нового тысячелетия!

...Зелено-белесым простором раскинулась степь. С высокого холма, прозванного в народе Красной горой, уходила она за горизонт, туда, где начинались отроги Уральских гор. Нет. Никогда земля эта не станет частью мира искусственного, созданного воображением человека и силой машины, никакая тонкая атомная материя не создаст той духовной мощи, что таится в недрах этих, что рождает Человека в человеке, и никакой гений разума и рук человеческих не создаст большую гармонию, что есть в тебе, земля! Потому что все, что ни есть в мире этом, создаешь ты и только ты!

Степь, степь... Люблю тебя, люблю до самозабвения, вдыхаю твой горький пьянящий аромат, ловлю твои полынные ветра, растворяюсь в шепоте травы степной и жаворонковом звоне и понимаю, что до последнего вздоха не забыть и не затуманить твои ковыльные песни. Нет. Все преходяще. Вечна только ты, земля. Вечна в красоте своей и мощи, вечна в родниках, святых и хрустальных, вечна ты в березовом шуме, вечна, нестигаема. Все минет. Все уйдет. Стрелой сарматской пролетит, табунами кочевников пронесется, пламенем голубым полыхнет... Род человеческий поколениями пройдет по тебе, песни о тебе сложит, в памяти сохранит. Нет ничего ценнее тебя и жизни человеческой, что Богом положена. Жизни человеческой, что ни искала бы, ни стремилась к чему, все едино - к тебе!

Степь моя! Какое только великое слово не воспевало тебя, чья рука не отдавала белым страницам красоту и дыхание твое! И приносила талант свой как дань! Платит и платить будет. Из века в век. Пока есть жизнь и жива земля, а значит - жив человек.

...Пыльная дорога терялась где-то за горизонтом. В знойном мареве плыл курган. Время не властно. Оно вечно. Только дорожная пыль рассеивалась и оседала на полынец, поднятая неизвестно кем, путником ли, степною птицей

Апрель-Май, 2010 год